

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Выходит под редакцией В. Вишневского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лифшица, Е. Петрова,
Н. Погодина, А. Фадеева.

НОЯБРЬ

20

ПОНЕДЕЛЬНИК

1939 год

№ 64 (843)

Цена 30 коп.

КНИГА О ЧЕХОВЕ

Исследователи и критики зачастую разучиваются читать классиков.

Биографический и комментарный багаж, отстоявшиеся формулировки, — все это, как слюдяной защитный козырек, стоит между критиком и творчеством классика.

Через слюду видно не вполне отчетливо, зато иллюстратор защищен от ветра. Противоречия в материале трудно разглядеть сквозь слюду. Критик может подогнать исследуемый материал под любую концепцию.

Чехов рано стал классиком, и критики быстро разучились его читать.

В угоду односторонним, поверхностным концепциям приписалось живое содержание чеховского творчества. За тридцать пять лет Чехов в изображении критиков попеременно оказывался «певцом сумерек», «нытиком», кадетом, мелким буржуа и даже бодрячком. К сожалению, в этом повинна не только досоветская критика. Даже в некоторых серьезных и вполне доброкачественных современных работах о Чехове временами ощущается пафос обязательного «концепционерства».

Во всем, что пишет о Чехове А. Роскин, видно, прежде всего, настоящее умение читать Чехова. Роскин не боится ветра и не отгораживается затверженными формулами от живого материала со всеми его противоречиями. Он старается решить задачу изнутри с помощью критико-биографического метода. Жанр этот опасен: пронесшаяся в 20-х годах над Западом «эпидемия» биографических романов показала, насколько несерьезно можно отнестись к исторической правде и как произвольно можно доископывать ее.

В работах Роскина нет ни насилия над историей, ни подчистки ее. Он осторожно пользуется предоставляемым ему правом интуитивного решения задач.

Детские книги Роскина о Горьком и Чехове написаны в одном ключе и на одну и ту же тему.

Биографии этих людей очень непохожи. Но есть в них обстоятельство, которое их роднит. Это общее и занимает Роскина в обеих книгах.

Жизнь писателя начинается в окружении, способном превратить всякого в человеконенавистника. Скарредные, жестокие, мелкокалиберные люди, гнилой и устойчивый быт — таково окружение, и это — лишь единичное проявление старороссийского бытия. Художник, сохранивший в этой обстановке ясность духа, любовь к людям и чистоту сердца — таков центральный образ обеих книг Роскина.

*

«Он отталкивался от людей, которые его окружали. Он отталкивался от таганрогских родственников-лавочников, для которых мундир церковного старосты был высоким знаком отличия; от приказничьей толпы, которая гордилась тем, что живет не в каком-нибудь Бахмуте, а в портовом городе Таганроге; от московской газетной братии, ломавшей шапку перед Пастуховым... Чехов отталкивался от них, и это была непрестанная борьба за достоинство и личную свободу».

В этих словах, собственно, изложено содержание книги. Отталкиваясь, Чехов

Александр Роскин. Чехов. Биографическая повесть. Изд-во детской литературы.

формировался. Этот процесс показан Роскиным подробно и глубоко. И рассказано это именно такими словами, которые нужны в книге для юношества.

Уже писалось о том, что биографическая статья в одноместнике, повесть «Антонша Чехонте» и рецензируемая книга кровно связаны между собой. Это одно растущее и расширяющееся тело. И чем более оно растет, тем более мешают ему специфические условия литературы для детей.

Надо сказать, что этой специфике приписаны немалые жертвы. Именно такими жертвами оказываются весьма важные для молодого Чехова произведения: «Иванов» и «Скучная история», о которых сказаны буквально две строки. А ведь в одной из статей Роскина есть очень интересный анализ «Иванова». Говорить о новом чеховском использовании старых драматических средств можно было и в этой детской книге. Сумел же Роскин глубоко, просто и понятно рассказать в этой книге о «Чайке».

Два этапа жизни Чехова — Сахалин и Мелихово — в книге следуют непосредственно один за другим. А ведь эти этапы отделены друг от друга целым годом, очень важным и показательным. Роскин не показывает, как резко возмужал, повзрослел Чехов после Сахалина. Слишком глухо упомянуто о первой поездке Чехова в Западную Европу в том же году. Во время путешествия выплывалась «Дуэль», совсем не упомянутая в этой книге. Это опять жертва в пользу детской специфики. Жертва в пользу зверьков-маггуст, о которых рассказано очень подробно.

Но случается и так, что автор об этой специфике забывает. Очень щедро показывает Роскин детские впечатления Чехова, впоследствии проявившиеся в чеховских произведениях. Но не всегда Роскин сообщает читателю о том, как реализовались эти впечатления. Так, радостная атмосфера дома Дросси не доведена до «Учителя словесности», суждения повара Степана о «воле» — до Фирса из «Вишневого сада». А в книге, рассчитанной на несовершеннолетнего читателя, вещи такого рода нужно договаривать до конца.

*

Решить задачу изнутри — это значит, прежде всего, глубоко вслушаться во внутренние интонации творчества мастера. Здесь, может быть, уместно слово, часто употреблявшееся некоторыми теоретиками импрессионизма: «вчувствование». Роскин умеет «вчувствоваться» в Чехова — человека и мастера настолько, что самая тональность книги почти целиком чеховская. Произведения, письма, мемуары и документы — все это в равной мере уязвимо используется автором. И в тех случаях, когда Роскин восполняет некоторые детали домыслами, он делает это обоснованно и достоверно.

Роскин хорошо постиг один из основных законов чеховского творчества: обыденные, заурядные вещи, будничные поступки — все в произведениях Чехова имеет свое скрытое звучание. Когда мы читаем в рассказе «Попрыгунья» о том, что «икру, сыр и белорыбцу» Дымова «сели два брюнета и толстый актер», то ощущаем скверное устройство мира с такой же силой, как если бы прочли гневную обличительную тираду.

Любовь и внимание Чехова к вещам общезвестны. В книге Роскина очень много вещей. Они сопровождают героя на его пути от Чехонте к Чехову. Часто они звучат по-чеховски: «Евгения Яковлевна делала очень много грамматических ошибок, и от этого ее письма казались еще более жалкими и растерянными».

Очень простыми средствами Роскин создает портрет усталого и безнадежно больного Чехова. Это не рисованный портрет: он виден через вещи: «И вот извозчик вез его по знакомым привокзальным переулкам. Чехов смотрел на дома. Между оконными рамами стояли стаканы с серной кислотой и лежала вата, почерневшая за зиму и осыпанная сверху мелко нарезанной цветной бумагой. Видны были стены комнат, оклеенные розовыми и зеленоватыми обоями, какими оклеивают дешевые гробы. Все это было и в его жизни — эти обои и почерневшая вата, было очень давно, в детстве, и сколько бы решенный теперь ни принимать, в каких бы тесных домиках ни селиться, — все равно, не вернуть уже простого и обыкновенного права на свою жизнь...»

Чехов неавидит фальшь в искусстве, в общественной деятельности и в личном быту человека. Роскин показывает, как из этих взглядов вырастает чеховский реализм. Книга Роскина исторична. История присутствует здесь не в виде отвлеченных отступлений-характеристик. Через описание правых таганрогской гимназии, цензуры 80-х годов, Сахалина, Александринского театра доходит до нас время Чехова.

Когда художник пишет о художнике, выигрывает читатель. Мастерство, которым обладает Роскин, дает ему право на создание большого критико-биографического полотна о Чехове — мастере и человеке, о его времени, об истории русской культуры.

Это очень нужная книга.